

Нарацыя ў аповесці «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» заснавана на паэтыцы асацыятыўнасці, фантазмагорыі, абсурду, гратэску. І менавіта таму яна такая спецыфічная, не зусім звыклая для беларускага чытача.

Літаратура

1. *Васючэнка П.* Тры апакаліпсісы // Крыніца. 1997. №12. С. 3–5.
2. *Казько В.* Выратуй і памілуй нас, чорны бусел. Аповесці. Апавяданні. Эсэ. Мінск, 1993.
3. *Казько В.* Хроніка дзетдомаўскага саду. Раман. Мінск, 1987.
4. *Станкевіч Ю.* З Віктарам Казько гутарыць Юры Станкевіч // Крыніца. 1997. №12. С. 7–10.
5. *Тюпа В.* Нарратологический анализ // Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М., 2009. С. 300–328.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В РОМАНЕ «100 ТАЙНЫХ ЧУВСТВ» ЭМИ ТАН

М. А. Чуешкова

Азиато-американское литературное творчество представлено китайской, японской, корейской, филиппинской традициями. В США долгое время проводилась политика вытеснения азиатов из американского общества, что в результате и определило этническое самоопределение как основную тему азиатско-американских писателей.

Азиатско-американская литература как направление появилась в конце 1960-х гг., развивалась и добилась всемирного признания. «Азиатско-американская литература может быть определена как произведения людей азиатского происхождения, которые родились или эмигрировали в Северную Америку. Это, как справедливо отмечает Стивен Сумида, литература, «созданная благодаря чувствительности авторов, которая развивается у них как реакция на жизнь в Америке и как ее интерпретация».

Эта литература опубликована в США и создана на английском языке, который является для автора «приемным» [1], что свидетельствует о двойной культурной идентичности автора. Потому что даже в иной культурной и языковой среде, авторское сознание хранит национально-культурные традиции предков как свидетельства его этнической идентичности.

Эми Тан утверждает: «Правда в том, что я пишу... для себя. Я пишу потому, что, если бы я этого не делала, я бы, возможно, сошла с ума. Я пишу о тех вещах, которые вызывают у меня страдание и боль... Другими словами, я пишу истории о жизни, которую я не могу понять. Конечно, это китайско-американская жизнь, но другой у меня нет и не было» [2].

Эми Тан – дочь баптистского священника Джона Йехана Тана (китайца, родившегося в США) и его жены Дейзи (до замужества Ли Бин Ци). В возрасте 35 лет Эми Тан знакомится со своими сестрами – дочерьми матери от первого брака: «Наконец-то я смогла сказать: “Я и китайка, и американка”...» [2].

Взаимодействие этих двух культур выведено в женских персонажах. Это две единокровные сестры: Оливия, дочь американки и китайца-эмигранта, и ее сводная сестра по отцу Кван, родившаяся в Китае.

Столкновение традиционной китайской культуры с ценностями современного американского общества, а также проблема двойной национальной идентичности в романе Эми Тан представлены как конфликт между сестрами. Различное восприятие жизни и реальности препятствуют взаимопониманию Оливии и Кван.

Кван – это носитель традиционной культуры, а младшая сестра Оливия в какой-то степени также наследует черты китайского характера, хотя и не признает это. Она впитывает китайскую культуру с детства, единственная из всей семьи умеет говорить на китайском языке.

Если Оливия знает «как» стоит жить, то Кван знает «зачем» стоит жить. Если у Оливии рациональный (прагматичный) стиль жизни, то Кван живет исключительно интуицией, используя свои «сто тайных чувств». Оливия уделяет излишнее внимание деталям, а Кван видит картину мира в целом. И хотя у них нет общих черт, Кван всегда говорит о неразрывной связи и сходстве между ними.

В подростковом возрасте, когда большое внимание уделяется общественному мнению – в данном случае мнению стереотипного американского общества, – Оливия охотно признает Кван «дебильной», потому что поведение той сильно отличалось от принятого в американском обществе: «“А у Оливии сестра дебилная!” Они глумились надо мной пока я не расплакалась, ненавидя Кван, ненавидя себя» [2, с. 59].

Оливия, от лица которой и ведется повествование, постоянно страдает от непонимания себя. Так как она поймана между двумя мирами (Китай и Америка), то не умеет общаться с другими, отчуждена и сжата виной. Она вынуждена слушать рассказы о Китае на китайском же языке. Эти рассказы о призраках – основная причина неприязни Оливии к Кван. Для американца призрак – это нечто ужасное, относящееся к неведомому миру и наносящее вред. А для китайца призраки – это добрые предки, которые находятся рядом с нами, чтобы защищать и оберегать нас. Это постоянно рефлексирующий персонаж, пытающийся выпутаться из душевных переживаний путем американского анализа и прагматизма. «Разумность» американки мешает ее интуиции китайки.

Кван любит Оливию и прощает ее, считая это воздаянием за свои ошибки в прошлой жизни. Это своеобразная карикатура китайского иммигранта глазами американца. Кван не обеспокоена тем, чтобы лучше выучить английский язык «...ее английский улучшился только в том, что касается скорости, с которой она на нем болтает» [2, с. 31].

«Кван – это мини-торпеда, всего пяти футов ростом, слоненок в посудной лавке. Где бы она ни появилась, ее повсюду сопровождают шум и грохот. Может надеть лиловый клетчатый пиджак поверх зеленых штанов. <...> Томми как-то подметил, что Кван верит в свободу слова и общества, а также в бесплатную мойку машины плюс заправка полного бака» [2, с. 31].

Кван кажется сумасшедшей и лояльной, но она более жесткая и гибкая в моральном плане, чем хрупкая и ничего непонимающая Оливия.

В Китае Оливия обнаруживает, что способность понимать свои тайные чувства – это важный принцип китайской философии, в которой индивидуальное существование превращается в простой стебель на гигантском древе жизни. Это позволяет Оливии обрести свой внутренний мир, согласуя его со своей деятельностью в этой смертной жизни.

Поездка в Китай позволила Оливии ощутить себя китайкой, понять ценность семьи, разрешить многие внутренние противоречия.

В романе развиваются две линии сюжета: в современном Сан-Франциско, где и проживают сестры Кван и Оливия, и в южном Китае в последние годы восстания тайпинов (1864). Кван рассказывает Оливии на ночь истории своей прошлой жизни. Стил этих рассказов контрастирует со стилем основного повествования – становится более связным и гармоничным. Кван говорит на смеси китайского и английского. Когда она рассказывает о своей прошлой жизни, то сознательно переходит на китайский язык: «Я расскажу тебе об этом на Мандарине. Так мне будет легче вспомнить. Потому, что когда это все случилось, я не говорила по-английски» [2, с. 415].

Эми Тан создает и образно раскрывает национально-культурные особенности мировидения китайцев и американцев, влияющие на лингвистическую репрезентацию мира: «На следующий день мы отправились бродить по городу. Мы видели, как двое отчаянно спорили. Злоба, сказала я. Мы видели, как женщина возлагает пищу на алтарь. <...> Мисс Баннер показала мне человека, пытающегося протиснуться через узкий проход с толстым бочонком. Надежда, сказала она. Но для меня это была не надежда, а глупость, рис для ума» [2, с. 65–66].

В романе мы наблюдаем синкретизм китайской философской системы, состоящей из следующих компонентов:

Догм и канонов конфуцианской этики. Это согласуется со стремлением китайцев к созданию семьи и способствует расцвету культа семьи и клана (это проявлено в многочисленности родственников Джорджи – мужа Кван – которые постоянно толпятся в доме Кван).

Даосских верований и принципов. Процесс познания Дао как всеобщего нравственного закона – одно из положений даосизма, при этом следует распределение ролей между участниками процесса «учитель-ученик», которые могут попеременно меняться ролями. Примерно тот же принцип отношений реализуется между сестрами Оливией и Кван: Кван учит Оливию понимать себя. Оливия учит Кван нюансам американской жизни).

Секрет этих чувств Кван описывает так: «Тайное чувство – не такое уж и тайное. Мы называем его “тайным”, потому что оно есть у каждого, только он забыл. <...> Ты знаешь: кости ломит – к дождю, а дождь освежает разум. Покалывает руки – значит ты напугана, покрываешься “гусиной кожей”». [2, с. 131–132].

То есть это не что иное как умение осознавать и понимать себя.

Положений философии буддизма. Основной целью дзен-буддизма является «просветление», которое подразумевает служение. Кван до самого конца «служила» Оливии ради «просветления» последней. Благодаря Кван вольно или невольно Оливия узнает о мире внутри себя, который остается незамеченным, так как лежит намного глубже поверхностного восприятия американцев.

В «ста тайных чувствах» заключен сквозной мотив безмолвия, с помощью которого Эми Тан показывает нам, что общей причиной страданий является отчуждение человека от самого себя, от другого человека, от природы. Что жизнь безрадостна, несмотря на материальное изобилие.

Две линии сюжета – американская и китайская – сходятся в конце: Оливия-американка наконец признает существование Оливии-китайки.

Такой исход намекает на то, что Запад и Восток совместимы в духовном плане.

Литература

1. *Skinner J. Stepmother Tongue (An Introduction to New Anglophone Fiction)*. N. Y., 1988.
2. *Tan A. The Opposite of Fate (Memories of a Writing Life)*. L., 2003.